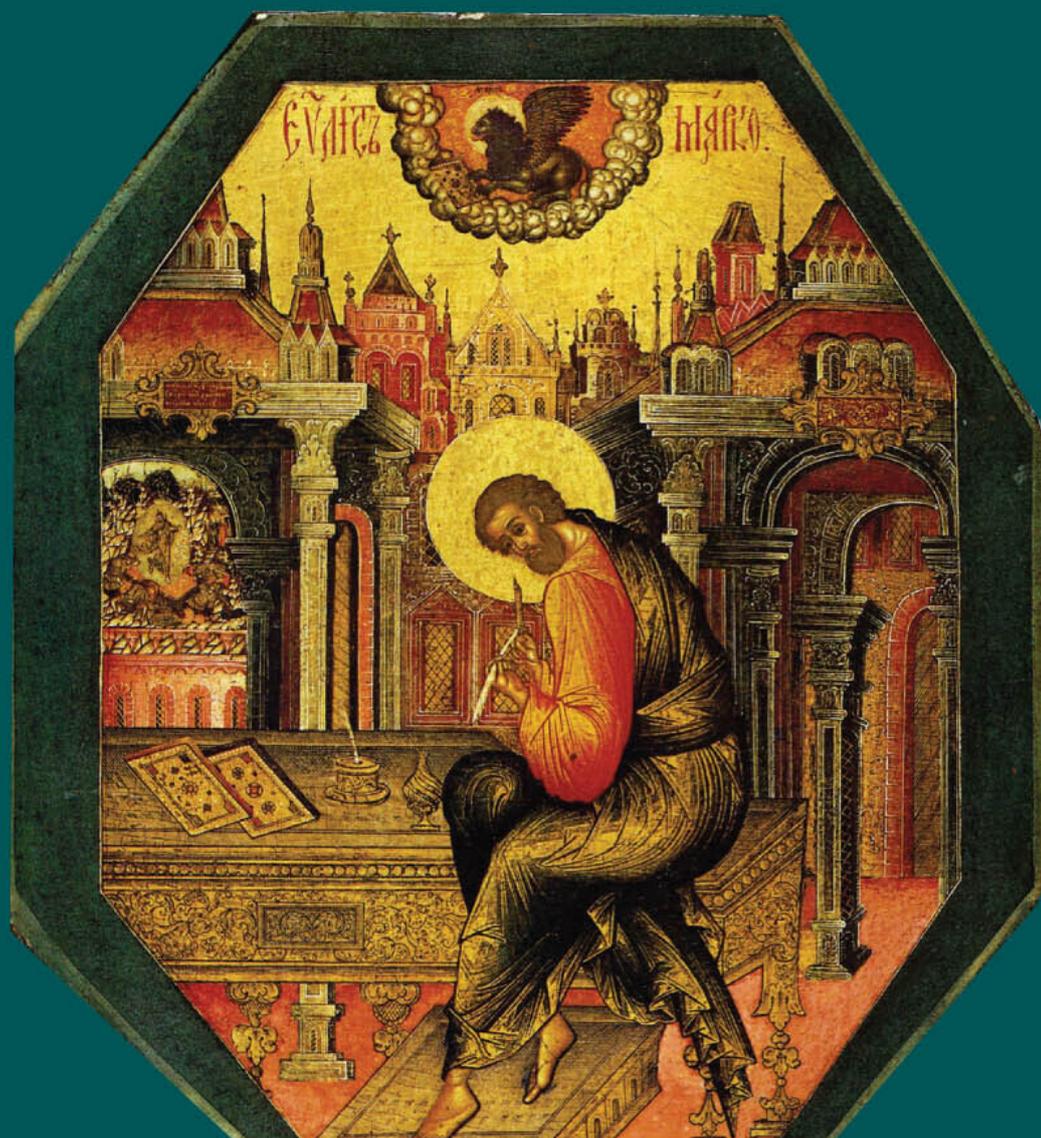

Евгений Костин

ПУТЕВОДИТЕЛЬ
КОЛЕБЛЮЩИХСЯ
ПО КНИГЕ

ЗАПАД И РОССИЯ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ
И СМЫСЛ ВРАЖДЫ

Евгений Костин

**Путеводитель колеблющихся
по книге «Запад и Россия.
Феноменология и смысл вражды»**

«Алетейя»

2021

УДК 008
ББК 71.0

Костин Е. А.

Путеводитель колеблющихся по книге «Запад и Россия. Феноменология и смысл вражды» / Е. А. Костин — «Алетейя», 2021

ISBN 978-5-00165-339-4

В настоящем издании представлены основные идеи и концепции, изложенные в фундаментальном труде известного слависта, философа и культуролога Е. Костина «Запад и Россия. Феноменология и смысл вражды» (СПб.: Алетейя, 2021). Автор предлагает опыт путеводителя, или синопсиса, в котором разнообразные подходы и теоретические положения почти 1000-страничной работы сведены к ряду ключевых тезисов и утверждений. Перед читателем предстает сокращенный «сценарий» книги, воссоздающий содержание и главные смыслы «Запада и России» без учета многообразных исторических, историко-культурных, философских нюансов и перечня сопутствующей аргументации. Книга может заинтересовать читателя, погруженного в проблематику становления и развития русской цивилизации, но считающего избыточным скрупулезное научное обоснование выдвигаемых тезисов. Это разумная альтернатива для экономящего свое время читателя. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 008
ББК 71.0

ISBN 978-5-00165-339-4

© Костин Е. А., 2021

© Алтейя, 2021

Содержание

От автора	7
Введение	11
1. История	15
1.1. «Пульсар» американской цивилизации	17
1.2. Метафизика любви и ненависти. Феномен вражды и онтологические противоречия между Западом и Россией	21
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Евгений Александрович Костин
Путеводитель колеблющихся
по книге «Запад и Россия.
Феноменология и смысл вражды»

Синописис, греч. synopsis – обозрение.

Сборник статей, материалов по какому-нибудь вопросу.

«Киевский синописис» – название первого учебника по русской истории, вышедший в 1674 г.

© Е. А. Костин, 2021

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2021

От автора

Не часто по нынешним временам приходится писать книгу, подобной той, что держит в своих руках читатель. Тем более, что она создана на материале собственного исследования автора, вышедшего относительно недавно¹. Указанный труд получился объемным, состоящим из двух томов, а оглавление занимает пять страниц. Не мудрено, что одной из первых реакций читателей, помимо всяких одобряющих слов, было указание на непопулярную ныне чрезмерность представленного материала, на «толщину» книги. Кто же в наши дни читает «толстые» книги?

Добавляет парадоксальности всей ситуации то обстоятельство, что для самого автора исходная книга представляется неким большим конспектом, какой необходимо дальше разворачивать и всяческим образом комментировать. *Замах* некоторых подходов автора, когда приходилось усиленно погружаться в самые глубины древних цивилизаций, выстраивая историческую цепочку цивилизаций и культур от античности до сегодняшнего дня, предполагал обращение к значительному объему информации культурологического и философского рода в соотношении с концепциями и теоретическими представлениями самого автора.

Главный вопрос для автора заключается в другом пункте дискуссий: а интересно ли было читать книгу? Вызвали, изложенные в ней идеи, согласие или, напротив, желание поспорить? Участливое, интеллектуально активное восприятие работы культурно-исторической направленности, в которой излагается материал, как бы и известный в тех или иных своих аспектах читателю, является главным «призом», какой может получить ее автор.

Один из чутких и одновременно внимательных читателей, Д. Г. Когатько, в разговоре с автором посоветовал ему написать некий *снопсис*, произвести определенного рода выжимку самых важных для автора идей, соображений и *проекций*. Идею поддержал издатель И. А. Савкин. Тем самым, благодаря деятельному участию этих «добрых», как выразился в своем великом романе М. А. Булгаков, людей, и появилась на свет данная книга. Им, собственно, и посвящает автор свой теперешний труд.

Не скрою, на начальном этапе энтузиазм ее создания явно превышал возможные трудности, так как казалось, что если существует база, *основной* текст книги, то и «укоротить» его до каких-то *человеческих* объемов – дело чисто техническое. Но в процессе работы все оказалось значительно сложнее. Создаваемый книжный «гомункул» в избытке представил своему «родителю» немалое количество самых разнообразных проблем.

Вначале было желание оставить всего лишь одну «голову» – то есть просто собрать воедино главные идеи, принципиальные утверждения, но это оказалось невозможным. Текст (гомункул) превращался в монстра, в одну сплошную проповедь, переходящую почти что в сплошное восклицание, завершающееся известной пафосностью, да так, что и самому автору становилось трудно это читать. А потом, как часто бывает в литературе, а историческое и философское повествование – это своего рода литература, сами подходы к той или иной теме, всяческого рода личные оговорки, воспоминания юности, демонстрация научных привязанностей, короче, разнообразные отступления в сторону – в основном тексте книги – оказывались интереснее строго научного изложения излагаемой концепции. И полностью отказаться от такого рода привязок и «подводок» стало невозможным.

Пришлось к «голове» приделывать остальные *части тела*, чтобы слепить нечто похожее на одушевленное существо, отчего к *базе* книги добавилось немалое количество ранее непредвиденных соображений и замечаний, и путеводитель (снопсис) стал в итоге прямым

¹ Евгений Костин. Запад и Россия. Том первый: «Феноменология и смысл вражды». Том второй: «Русская цивилизация и ее культура в основных кодах, смыслах и фигурах». СПб., «Алетейя». 2021. 872 с.

дополнением к основному тексту работы. Избавившись от многочисленных отсылок к трудам историков, философов, социологов (оставив их самую малую часть), перекомпоновав последовательность разделов и глав базовой книги, автор пришел к ситуации, в которой смысловые кульминации и содержательные акценты исследования стали располагаться несколько по-иному.

С другой стороны, в процессе создания данного текста пришлось еще раз критически обдумать основные тезисы, уточнить их, сделать более устойчивыми по отношению к возможным критическим суждениям – все это, по мнению автора, только пошло на пользу данной (и основной) работе. Хотя, опять-таки, судить об этом непосредственному читателю. Его оценка – главная.

Наконец, и это чуть ли не самое существенное – за время подготовки основного текста книги к печати и написания данного *путеводителя* достаточно серьезно изменилась историческая реальность, что также потребовало известной корректировки прежних суждений. Может, они не сразу бросятся в глаза потенциальному рецензенту, который затеет сверку двух текстов, и покажутся вначале стилистическими нюансами. Но истина, как и некий вездесущий персонаж, прячется часто в мелочах. Иначе говоря, за историей поспевают только сама история, а мы, ее современники, всегда отстаем, хотя бы и на шаг, и реально находимся в арьергарде, в маркитантском обозе, и лишь по обломкам уже совершившихся исторических событий, по всякому «мусору», какой попадает на нашем исследовательском пути, формулируем свои предположения. Из подобного процесса и возникает некая, более-менее адекватная, модель определившейся культуры или цивилизации, на которую можно будет ссылаться и некоторое время спустя. Классические исторические труды универсального замаха и содержания, вроде текстов Геродота, Тацита, Карамзина, Тойнби, Карлейля и других великих имен, к которым автор обращался в «большой» книге, воссоздают определенный слепок прошедшей жизни, какой лишь частью своих сторон соответствует реальности в ее бесконечной объективности. В совокупности – как накопленная информация в формах исторического знания – они порождают достаточно адекватную парадигму мировой (или региональной) истории. Нам, собственно, нет дела до упомянутых ими исторических деталей, и мы почти не задаемся вопросами о том, верно ли все, о чем написал, к примеру, Геродот, так и происходило. Гораздо важнее не то, что мы можем что-то перепроверить у него, отсылаясь к трудам других древних историков, но наше внутреннее согласие с представленной им картиной мира, с его моделью описания (и объяснения) действительности, которые удивительным образом закрепились в последующей мировой истории, вошли в интеллектуальный опыт последующих поколений.

Тема, представленная в книге «Запад и Россия», носит ключевой характер для развития всего человечества, по крайней мере, последние полтысячи лет. К тому же данная проблема в последние десятилетия становится все острее и злободневнее именно что в общечеловеческом смысле, и выяснилось, что она имеет отношение ко всем типам цивилизаций современного мира. И это безусловный факт, от которого не отмахнуться идеологам проектируемой новой социальности во главе с Западом (так, по крайней мере, им самим кажется) и его не «заговорить» постоянно произносимыми словами, что Россия уже как бы и списана с мировой повестки дня. Одновременно производимые ими бесконечные упоминания о России, о ее участии во всех мыслимых и немыслимых коллизиях современной жизни человечества говорят о другом: без русской цивилизации, без русской пассионарности и в текущем веке миру не обойтись.

Понятно, что вопросы взаимодействия и реальных противоречий между Россией и Западом, особенности формирования русской цивилизации не имеют в исторической науке одной-единственной устоявшейся формулы, к какой можно было бы прибегнуть для разрешения возникающих по ходу нашего повествования разнообразных проблемных вопросов. И автор должен сам, на базе предшествующих концепций и пониманий дать *свое* объяснение истокам,

развитию, сегодняшнему состоянию этого глобального исторического конфликта (как представляют данную ситуацию западные идеологи, в то время как Россия мыслит по-иному), оказывающего воздействие на весь мир. Тут, *volens-nolens*, почувствуешь себя Плутархом, описывающим противоречия и противоборство древних греков с персами.

При этом уже и не важно, что появляющиеся чуть ли не ежедневно новые исторические данные, вновь обнаруженные источники и свидетельства серьезно корректируют труды классиков и твои собственные соображения. Важно другое – этим ценны и поучительны классические труды историков, признанные всеми, – что они представляют целостный (не важно, где конкретно и насколько они были неправы в том или ином индивидуальном примере) взгляд на человеческую историю, на развитие культуры и цивилизации. Они приучили нас смотреть на человечество как на некое универсальное единство, обладающее цивилизационной уникальностью. В этом месте автор нескромно заметит, что та же самая интенция лежала и в основе создания его пра-текста (назовем «большой» текст «Запада и России» хотя бы и так).

Возможно, такого рода комментарий к совсем недавно вышедшей книге, есть известного рода попытка сломать определенный тренд историко-культурного нарратива. Пусть читатель снисходительно отнесется к пост-попытке описать историческую действительность, находясь, если не на острие событий, то, по крайней мере, наблюдая отблески и языки пламени реальных столкновений интересов и борения политических деятелей, стран и цивилизаций, как они представлены именно сейчас, в данный момент на исторической арене. Поразительно интересно рассматривать совершающиеся геополитические изменения, происходящие на расстоянии как бы вытянутой руки и ломающие твои собственные построения и теории.

Что ни говори, но *замах*, сделанный нами в книге «Запад и Россия» предполагал анализ и суждения о главных процессах, идущих в глубинах современной мировой цивилизации. Поэтому без того же самого «визионерства», предельно широкого просмотра целых парадигм общекультурных и цивилизационных явлений нельзя было обойтись и в данном уточняющем тексте.

И, конечно, главная точка внимания автора – это *русская цивилизация*, ее судьба, ее перспективы, потенции, ее человек. Об этом была «главная» книга, об этом, без сомнения, при всех оговорках и отговорках – и данные комментарии к ней. Если применительно к процессам, происходящим в лоне всемирного человечества, автор с готовностью принимает всякого рода уточнения и дополнения, особенно в части не совсем полно описанных им явлениях цивилизаций, связанных с громадным азиатским континентом, то все, что касается особенностей становления, структуры, перспектив развития русской цивилизации, автором отстаивается с избыточной, может быть, категоричностью. Пользуясь известным высказыванием Л. Н. Толстого, можно сказать, что в этом проявляется «скрытая теплота патриотизма» автора, от которого он не может отказаться даже в самой малости. Это, естественно, корректировало стилистику высказываний автора, придавало, может быть, избыточную эмоциональность некоторым его суждениям, касающимся русской культуры и русской цивилизации.

В итоге, после размышлений над возможной структурой данной, «вторичной» по отношению к основному материалу, книги, автор пришел к выводу, что она будет выстроена следующим образом. Каждая из глав будет представлять отраженный и описанный в основном тексте подход или концепцию (набор идей и смыслов), связанных с генеральными направлениями исследования: к примеру – *история, русская цивилизация, ментальность человека русской культуры, русская картина мира* и т. д. Далее в подзаголовке будет представлен перечень (тезисы) поднимаемых в связи с данными темами вопросов и проблем, причем, это позволит автору привлекать материал из разных разделов книги, подчас разведенных далеко друг от друга в основном «теле» книги. Стоит добавить в этом месте, что не все тезисы далее будут подтверждены непосредственными отсылками к «основному» тексту книги. Но автор расчи-

тывает, что если какие-то тезисы заинтересует въедливого читателя, то он может обратиться к исходному материалу и ознакомиться с ним.

И лишь после этого будут воссозданы те части работы, ключевые страницы книги, подчас целые главки, в каких, по мнению автора, отражены самые существенные стороны его теоретических подходов, концептуальных воззрений. Понятно, что сам выбор и повторение тех или иных частей «большой» книги будет подчеркивать их важность в глазах самого автора, не потерявшего уверенности в том, что именно они и являются определяющими во всем компендиуме вопросов столкновения и противоборства цивилизаций Запада и России. Автору хотелось бы в данном месте добавить слово «сотрудничество», но, к сожалению, кроме примера второй мировой войны, да и то с учетом всей сложности этого взаимодействия, аналогий этому автор практически не обнаружил на всем долгом пути исторических контактов цивилизаций Запада и России.

И еще одна оговорка. Данный путеводитель в основном будет посвящен первому тому работы (хотя есть отсылки и ко второму тому). В основе этого лежат две причины. Первая заключается в том, что автор претендует на известные новации в интерпретации данной темы в научной литературе, а вторая – совсем очевидна: второй том книги, описывающий основные коды, смыслы и фигуры русской цивилизации, очевиден для читателя в том разрезе, что там, помимо нескольких теоретических главок, речь идет о главных именах русской культуры – Пушкине, Достоевском и Толстом.

Безусловность присутствия этих фигур в основании русской культуры в ее мировом развороте такова, что и желание автора посмотреть на них несколько в своеобразном разрезе – через самые крупные категории культурного и цивилизационного анализа, ничего не меняют в восприятии подготовленного читателя русской культуры (а это всякий человек, думающий и говорящий на русском языке). Автор не колеблет священные имена и не опровергает их открытия. Если он и смотрит несколько неожиданно на те или иные аспекты содержания и основные смыслы их творчества, то никакой полемикой здесь и не пахнет.

Наконец, в качестве особых главок, специально помещенных в завершающей части *путеводителя*, выступают две: первая из них посвящена особому месту Великой Отечественной войны в смысловом и психологическом пространстве русской цивилизации XX века², а другая – описывает представления автора о важнейшей роли православия в истории русской культуры, а фактически – и русской цивилизации. Именно он, особый тип верования, определившийся на Руси (России) лег так или иначе в формирование и развитие русского языка, формирование ментальных свойств русского человека, повлиял на историческое развитие государства, переплелся с формами рафинированной культуры. Но – главное, православие стало краеугольным камнем всей ментально-психологической базы человека русской культуры, определило (выразимся научно) – *эпистемологию*, то есть структуры изъяснения действительности, *онтологию*, то есть сущностное, смысловое отношение к жизни, наконец, стало базой для *аксиологии*, то есть основного набора ценностей для человека русской культуры (цивилизации).

Цифры страниц, данные в квадратных скобках, увязаны с основным текстом книги, выходные данные которой указаны выше. Также для удобства пользования данным синопсисом некоторым главам оставлены наименования, особенно в тех случаях, когда они воспроизводятся практически полностью.

² Нельзя не заметить, что основной текст «большой» книги писался в год 75-летия великой Победы в Отечественной войне, и автору, сыну человека, прошедшего ее от первого до последнего дня, представленного за свои подвиги к званию Героя Советского Союза, но не получившего его по каким-то бюрократическим причинам, закончившего войну в неполные 23 года, лейтенантом, с тремя боевыми орденами на груди, – есть что сказать об этом ключевом событии в жизни русского (советского) народа в XX веке.

Введение

Внимательный читатель, конечно, сразу обратит внимание на то, что первая часть названия книги является известным повторением книги Н. Данилевского «Россия и Европа» (1869). Однако в нашем случае совершенно обдуманно на первом месте *угнездилась* другая последовательность и перемененное местами определение этой оппозиции – *Запад и Россия*. Но более существенным для автора является уточнение данного подхода, определенное во второй части названия: *Феноменология и смысл вражды*.

Предупреждая сразу возникающие возражения и комментарии к завершающему *слову* этого подзаголовка – *вражды*, автор сразу хочет заявить, что данный акцент на этом понятии носит продуманный характер, и его не смущают многообразные негативные коннотации этого определения. В конце концов, содержание книги и должно ответить на правомерность употребления данного выражения в тексте работы. При этом автор обращает внимание на то, что заявленная полемическая актуализация данной оппозиции «Россия – Запад» рассматривается как известный ответ на сформировавшуюся в западной мысли традицию именно так и воспринимать свои отношения с Россией – не принимая даже теоретической возможности равенства с нею, постоянное подчеркивание зависимого, подчиненного (в разных планах – от культурного до технологического) положения России по отношению к Западу и, наконец, устоявшееся окончательно психологически-ментальное ощущение своего превосходства в антропологическом как бы отношении – торжество западного *прометейства* над русским *бесформенностью* (исходя из западных культурных стереотипов) в человеке.

Мы сознательно берем крайние точки зрения и определившиеся радикальные позиции, но в целом тренд именно таков: Запад не хочет, да и не может, как теперь очевидно, принять Россию в свой *состав* в той полноте ее исторического и культурного осуществления, какая оформилась именно как некая данность, какую мы наблюдаем сейчас, в конкретный момент истории человечества (начало XXI века). Но в тех или иных формах это неприятие существовало на протяжении всей исторической парадигмы взаимоотношения этих двух родов цивилизаций, двух типов культуры и двух типов ментальности в широком смысле – от религиозно-этических воззрений людей до эмоционально-чувственного отношения к бытию и пониманию места человека в целостной картине мира.

[8]

Книга, какую держит в руках читатель или же читает в интернете, для ее автора написана о самом главном, что есть в жизни русского человека³. Человека русской культуры, родного русского языка, может быть, русской православной веры, знающего, что «Пушкин – наше всё», читавшего тексты (в каком объеме и что конкретно – неважно) Карамзина, Толстого, Достоевского, Чехова, Булгакова, Платонова, Шолохова, Ахматову, Мандельштама, Пастернака, других русских писателей; человека, знающего и помнящего о Куликовом поле, *Смутном* времени, о победе над Наполеоном, о *страшной* войне с фашистами; человека, который гордится историей страны, прорывом в космос, русскими гениями в науке и искусстве; человека, какой любит природу всей громадной России – от Севера до Юга, от Запада до Востока – населенную многими народами и народностями, которые давно стали частью большого русского этноса, сохранив при этом свою культуру, язык и самобытность.

Очень многое из того, что находится в России, любит русский человек, эта связь трудно объясняется логически или другими рациональными причинами. Как, впрочем, у большей части других народов. Мы любим свою родину не за то, что она дала нам *то-то* и *то-то*, хотя

³ По крайней мере, автор данной работы исходит именно из этой предпосылки.

в какой-то момент своего развития каждый человек начинает сравнивать и сопоставлять свою жизнь с жизнью других людей в других государствах и задаваться вопросом, а почему у них не так, как у нас? А почему они живут иначе? Почему они живут лучше/ хуже? Эти вопросы, задаваемые людьми, часто приводили в истории тех или иных стран, включая Россию, к социальным волнениям, переходящим подчас в революцию, к смене власти и режимов, но, тем не менее, эти вопросы и перемена образа правления ничуть не влияли и не влияют на глубинное отношение человека к своей *родной стороне*.

Конечно, по-своему, это *архаическое*, отмирающее чувство в современном глобальном мире, когда в мгновение ока (с точки зрения *вчерашнего дня*) мы перемещаемся в пространстве, подчас лучше знаем красоты и достопримечательности других стран, чем своей, живем и работаем не там, где мы родились, а часто там, на чужбине, и умираем, но пока оно, это чувство, еще сильно развито в человеке и вызывает у него целую гамму эмоций, переживаний, связанных с пониманием того, что вот *эта* часть земного шара, принадлежащая в том числе и ему, – это его *родина*.

Родина дает человеку очень много – и прежде всего язык, на котором он думает и говорит (хотя сегодня многие люди говорят на многих языках, и это замечательно), но – самое главное, от чего невозможно отказаться – это язык твоей матери, твоей культуры, твоего народа. Это нечто изначальное, что остается с человеком навсегда, как бы широко он ни был интегрирован в современный мир. Мы связаны тесными узами, которые чаще всего и не осознаются нами, с той природной средой, какая является для нас родной, своей. Мы знаем, *как* над нашей родиной встает солнце, как оно заходит, какое море, река или озеро являются нашим близким ландшафтом, какие леса, травы, пески, горы также стали частью нашего зрения и запечатлелись в нем навсегда.

[15–16]

Исходя из намеченных пунктирно тезисов, предлагаемая читателю книга будет носить смешанный, по своему жанру, характер – это не исторический трактат, не философское исследование свойств мышления *русских*, не психологические наблюдения над характером и ментальностью русского народа, не рассмотрение культурных и религиозных особенностей России как мировой, состоявшейся цивилизации, и, тем более, это не политический трактат с выдачей каких-то интеллектуальных бонусов тому или иному этапу исторического развития страны. Все это будет, так или иначе, представлено в содержании книги, но рассматриваться эти элементы «явления России» как *целого* автором будут только во взаимосвязи, в единстве.

Главное для автора – объяснить характер этой взаимосвязи. Помимо личности самого субъекта повествования – это априорное понимание того, что именно таким – сложным – образом устроен весь механизм русской цивилизации. Хотя это слово – *механизм* менее всего соответствует тому, что мы обнаруживаем в жизни России. Конечно, эта страна, эта цивилизация есть некая *органическая целостность*, есть явление космической, природной жизни, она более чем что-либо в истории человечества так мало зависит от внешних факторов и определяется собственными внутренними принципами развития.

Именно поэтому, как мы пишем дальше, Россия является *протоцивилизацией*, которая устроена и развивается на своих собственных основаниях, очень часто смешивая периоды своего взросления, становления и зрелости, проходящих по-разному в разных частях всего ее *организма*. Здесь политическая *подростковость* древней Руси может соседствовать с гениальными фресками и иконами Дионисия и Андрея Рублева, здесь примитивное ведение земледелия может быть современницей высокого храмового искусства и письменных шедевров, вроде «Слова о полку Игореве», здесь неразвитость и ограниченность личного индивидуального начала, мешающего встроиться русскому человеку в контекст европейского Нового времени с его торжеством «Я», соседствует с самоотверженностью всего народа на бранном поле

по примеру времен раннего христианства, здесь отвлеченные представления о совести, морали, грехе и красоте гнездятся посреди разрухи Смутного времени непоколебимой твердыней и спасают государство.

Не может быть дан в этой книге какой-то определенный (окончательный) ответ о том, *какова Россия*, что ее ждет в будущем и как она встроится в *новый мир*? Было бы смешно автору претендовать на это. Это еще одна (из многих) попытка, по возможности, честно, непредвзятого, с анализом тех аспектов национального характера, какие мешают народу двигаться дальше, рассмотрения основных черт и свойств русской цивилизации, которая стала одним из самых значительных явлений в истории всего человечества на всем длительном пути его развития.

[20–21]

Именно обстоятельство, связанное с *отторжением* Западом⁴ от себя *русских варваров* и их государства, какое во многом (а по существу – в основном) не следовало тем лекалам развития, какие определились в западной культуре, определило характер противоборства, какой избрала Европа (Запад) по отношению к своему историческому соседу. Заметим, что это «отталкивание» чаще всего принимало очередную попытку или завоевания России или ее оттеснения на задворки европейской цивилизации. Все эти процессы, вплоть до феномена Гитлера, носили регулярный и непрекращающийся характер, несмотря на периоды известного единения и даже примирения России и Запада в некоторых исторических условиях.

Все оказывается враждебным для Запада в этой парадигме противостояния – избыточная территория (фактически имеющая какие-то запредельные величины – для европейца, жителя маленькой, относительно, Европы: Россия – это страна, которая никогда не кончается), другая религия (в чем-то похожая, но пугающе непонятная), другой человек, другая форма государственного правления, иное отношение к истории и – главное – ускоренное историческое развитие с созданием совершенно определенной цивилизации мощного европейского толка, но с добавлением то ли азиатского начала, то ли какого-то собственного, русского, элемента, – цивилизации, которая встает на востоке Европы как *стена*, какую ни обойти, ни перепрыгнуть, ни сломать.

[22–23]

Ответы, какие автор будет искать в этой книге, связаны с тем, что волнует не только его как человека и исследователя, но волнует, вероятно, большинство русских людей, сводятся к следующему: сохранила ли Россия свою особую цивилизацию, что в ней изменилось за последние 30 лет, *проломил* ли Запад ту стену между нами, о которой сказано выше (и, может быть, завладел в известной степени нами, нашей душой, привил ростки своей цивилизации)? Наконец, каковы перспективы развития этой – без сомнения – *новой* русской цивилизации на ближайшие лет 100–200? Те ответы на эти вопросы, какие читатель найдет в этой книге, не носят ни в коей мере завершающего характера, по крайней мере, сам автор не претендует на такой их статус. В большей степени это приглашение к диалогу тех, кому не безразлична судьба России в условиях меняющейся глобальной истории.

В развитие одно небольшое замечание. Михаил Гефтер, много размышлявший о своеобразии исторического пути России, как-то заметил, что «*Россия – это исторический взрыв*». Относительная историческая молодость России, ее попадание в круг европейских и впоследствии мировых держав начинается всего-ничего – с XVIII века. Отсутствие серьезного цивили-

⁴ Оппозиционность по отношению к Китаю, Индии, Японии, культурам Южной Америки будет носить все же иной характер. Здесь же заметим, что Запад никогда не видел в азиатских и южноамериканских цивилизациях ровню себе, особенно начиная с Нового времени. В случае с Россией речь пошла о конкурентном сопернике, взросшем во многом на одном и том же культурном материале.

лизационного и культурного базиса по сравнению с определившимися до этого этносами, выстраивание своей оригинальной модели ментального взаимодействия с действительностью, ощущение вместе с тем *своей* традиции, воплотившейся в православном религиозном чувстве, взятом напрямую у Византии, то есть у Восточной Римской империи, ученичество, подражание своим соседям и, вместе с тем, *самостояние*, известного рода гордыня в осуществлении своей исторической судьбы – такова двойственная природа России. Она потребовала особой антропологической породы людей, какая, может быть, по своим исходным природным характеристикам и не соответствовала тем задачам, какие ей пришлось решать в последние два века истории своего народа, в девятнадцатом и двадцатом. Ее сущностное отличие, непохожесть на *все остальное* подобного рода, представленное на палитре мирового человеческого своеобразия, лежит в основе ментальных структур, духовных поисков, ужасающих заблуждений и сохраненной все же веры в истинное предназначение человека и человечества.

Стремление русских в решающий для мировой цивилизации XX век найти иную альтернативу развития человечества стоил им громадных жертв и разрушения созданной ими мировой державы – СССР. Куда теперь они, русские, могут двинуться дальше, исходя из еще не распавшейся ментальности, сохраненной веры, теплящейся пока идеальности побуждений, пройдя через опыт (30 с лишним лет – не шутка) пребывания в иной цивилизационной реальности, замешанной на чувстве индивидуализма, стремления к комфорту и потреблению, поклонения «золотому тельцу», – достоверно не известно никому.

[24–25]

1. История

К понятию истории как основного кода цивилизации. Символы и прасимволы истории. Субъекты и память истории. Смысл истории в понимании Запада и России. О соборности в русской культуре применительно к пониманию истории. Прямые и скрытые значения и константы в интерпретации истории Западом и Россией.

Та стадильность в развитии Европы, как бы ни возводить на нее всякую критику, на которую мы частично ссылаемся, имела под собой ясно видимые очертания смены определенных эпох, которые отделялись друг от друга по ряду существенных признаков как материальной, прежде всего, так и художественной, в целом – культурной жизни.

От этого в период раннего Возрождения складывается понимание того, что *история*, то есть совокупность разнообразных событий – от войн между государствами до религиозной распри, от строительства дворцов и соборов до появления полотен Рафаэля и Микеланджело, от географических открытий до эпидемий чумы, – все это имеет свою внутреннюю линию развития: она, отталкиваясь от прежнего опыта, движется куда-то вперед, к более усложненному будущему.

Эта линейность мышления человека европейской цивилизации была явно совмещена с некоторыми базовыми событиями, бывшими в прошлом, – во-первых, это эпоха античности, а во-вторых, зарождение христианства (для обыденного сознания – жизнь и смерть Христа). Иные, варварские народы не обладали такой *обратной перспективой* и поэтому с чистой совестью воспринимались их покорителями и колонизаторами именно как варвары, разрушить жизненный уклад и культуру которых не считалось за большой грех: они находились за пределами исторической парадигмы в ее европейском понимании.

Отсюда проистекает та жестокость и бессердечность, с какой народы «культурной» Европы, почти все, без исключения, осваивали земной шар за пределами христианской ойкумены. Португальцы, испанцы, итальянцы (венецианцы, генуэзцы), голландцы, англичане, в меньшей степени французы, но и они приняли участие в этом процессе; все, кто имел выходы к морю, бешеным образом покоряли иной мир, забывая об особенностях и принципах гуманизма и человеколюбия, частично торжествовавших у них дома. Заметим, что в силу того, что с тех пор прошел относительно небольшой период времени (с точки зрения мировой истории), такого рода пренебрежительное отношение европейцев к «некультурным», иноцивилизационным народам никуда не исчезло окончательно, оно просто ушло на второй план. Зверства англичан по отношению к населению Индии уже в XX веке говорят именно об этом. К слову сказать, Россия никогда не позволяла себе таких безобразных по античеловечности действий к ее покоренным народам, – по отношению к собственному – сколько угодно, но не к тем, кто оказался в пределах ее культурной ойкумены.

Наиболее откровенным проявлением этого, с позволения сказать, «мессианства» и «цивилизаторских» поползновений стала доктрина нацизма, уже и не стеснявшаяся *в открытую* подчищать авгиевы конюшни человечества, четко определяя, кому можно, а кому нельзя жить на земле. Да и уничтожение европейцами цивилизаций Южной Америки, разграбление тысячелетнего культурного (одновременно и материального) наследия народов Индии никуда не делись из мировой памяти глобального рода.

Таким образом, чувство и ощущение, а вместе с тем и понимание истории, начинается с четкой хронологической определенности и рефлексии над *временем* в сознании европейца. Знание того, что *было*, восприятие своей жизни как некоей длительности, и представление о том, что все имеет свой вектор развития, лежит в основе чувства времени, являющегося базой всякого исторического взгляда и подхода.

Однако социализация жизни человека через его профессиональные навыки, через структурирование жизни средневекового общества по распределению функциональных обязанностей между различными стратами социума для обеспечения жизнедеятельности всего организма, приводила к неизбежности появления представлений о том, что *все совершающееся* («все действительное – разумно», сформулирует Гегель) обладает смыслом и может быть сохранено, в том числе и с исторической точки зрения, внутри какого-то государственного образования.

Европа Средних веков – это конгломерат разнообразных княжеств, герцогств, других владений разного рода сюзеренами, но это был и гарант известного рода стабильности существования частных людей. Вместе с тем, *историзм* как часть мировоззрения отдельного человека вовсе не присущ подавляющему большинству людей, «участие» в истории отводилось на долю или же других персон – царей, королей, вождей, героев, или же на долю самой общности индивидов, собранных в княжество, владение, государство. Именно этим сущностям и полагалось *пребывать* в истории (или в том, что под этим мыслилось).

История была хроникой того, что случилось в тот или иной отрезок времени прежде всего с данной территорией, о которой идет речь, с государством и тем, кто его возглавлял. По большому счету такой подход сохранился до сегодняшнего дня. Более того, некоторые общечивилизационные вещи, которые гораздо больше влияют на громадное количество людей – открытие электричества, паровой тяги, двигателя внутреннего сгорания, новых химических элементов, радиации, изобретение самолетов, мобильной связи, полеты в космос, фотографирование Вселенной, проникновение в геном человека, управление ядерной энергией и многое-многое другое, что перечислить не хватит и целой книги – не воспринимается ни отдельным человеческим, ни общественным сознанием, как нечто историческое, то есть повлиявшее на эволюцию и развитие разумной жизни на земле, на самого человека и человечество.

Мы же остаемся в той же самой ситуации, в какой были Фукидид, Плутарх, Тацит, Полибий и другие, менее знаменитые историки – нас продолжает волновать, а кто именно будет управлять тем или иным государством, и почти не удивляет постоянная готовность практически всех государств к войне, к уничтожению себе подобных. И ничто из вышеперечисленных исторических достижений человечества не может повлиять на данный, без сомнения, примитивный исторический характер мышления человека, в первую очередь современных вождей.

Поэтому говорить о чувстве историзма современной глобальной цивилизации и не приходится, это одна из самых поразительных утопий в летописи человечества, которая роднит и объединяет человека египетских пирамид и владельца современного айфона.

[64–66]

1.1. «Пульсар» американской цивилизации

Любопытен феномен североамериканской цивилизации. Исторически созданная относительно недавно, эта цивилизация выростала не на культурных основаниях автохтонного рода (ей это было ни к чему, так как она складывалась из людских ресурсов, принадлежащих к европейской цивилизации и автоматически получила право наследования западного типа культуры), но все же ею был добавлен крайне существенный момент самостоятельного цивилизационного творчества. Об этом написано немало; в рамках наших рассуждений добавим к этому всего лишь один тезис: у них был разрыв между почвой (нового материка) – географически и цивилизационно нетронутой, неизвестной, которую надо было осваивать и покорять почти как в древности – и утонченной культурой уже завершившегося периода Возрождения в Европе и начавшейся эпохой Просвещения. Этот контраст между почти примитивным, агрессивным освоением диких прерий, громадных просторов североамериканского континента и содержащимся в индивидуальности всех этих покорителей Америки элементом уже состоявшейся западноевропейской цивилизационной модели – и стал основой развития цивилизации нового, на базе европейского, образца. Это присутствие *старой* цивилизации любопытным образом корректировалось несколько варварской с точки зрения европейской культуры избыточностью свободы поведения ее создателей, выступивших, как это ни парадоксально звучит, в облике *нового* человека – *американца*. Строго говоря, в начальный момент своего проявления североамериканская культура (слабые зачатки особой цивилизации) развивалась как *химера*, искаженное отражение высокой европейской культуры. В известной степени существует типологическое родство между североамериканской культурой и российским типом развития: и там и там были пропущены периоды Ренессанса с ее ведущим началом гуманизма и периодом поисков религиозного толка – процессы Реформации. Все это было получено в Штатах как бы в готовом виде, но была и существенная разница: не было процесса, не было исканий всего того, что формирует плоть культуры в ее прямом независимом выражении. Но то же самое мы наблюдаем и в России, в ее Средневековье. С одним только отличием: в России все же сформировался феномен русского человека с рядом определенных ментально-культурных и психологических особенностей.

Штаты вынуждены были создавать свое ответвление европейской цивилизации, чтобы впоследствии расширить ее содержание до более универсального понятия – *западный тип цивилизации*. Этот универсализм, какой и до сих пор определяет существенные стороны развития человечества, был осуществлен при помощи переноса целого ряда ценностей Европы на североамериканский континент и их *накачки* еще более развившейся субъектностью и индивидуализмом отдельного человека.

Изолировавшись в известной степени от остального мира условиями своего географического положения (как, впрочем, и Британия), Штаты стали играть роль катализатора мировых цивилизационных процессов, особенно в технологическом смысле, так как новый вспрыск индивидуализма человечеству был сделан именно через создание особой ментальности и поведенческого стереотипа человека в условиях Нового и Новейшего времени в американской цивилизации. Исторически и культурно у этого человека было меньше ограничивающих препятствий гуманистического и мировоззренческого толка, что позволило максимально убыстрять процессы социальных и экономических изменений. Это был этап как бы *нового варварства*, появление свежей крови в западной культуре, после чего она зажила обновленной жизнью.

Совершенно неудачно определение североамериканской цивилизации как «цивилизации моря» (С. Хантингтон), констатирующее ее известную отгороженность от других влиятельных и сильных соседей посредством громадных океанов. Оно не объясняет особую роль медиатора

в мировых делах, какую Штаты приобретают с периода первой мировой войны, именно тогда, когда начинают пользоваться этой отгороженностью в полной мере. Отсутствие физического соприкосновения с другими народами (кроме как с Мексикой – южно-американской цивилизацией; о Канаде не будем говорить, так как это также часть североамериканской цивилизации) сэкономило время и другие усилия для собственного развития. Теснейший европейский котел народов, конечно, мог этому только завидовать. Таково же было и положение России, которая расположилась между кочевниками Востока, исламской ойкуменой с юга и собственно Европой с Запада.

Исключительное географическое положение Америки привело к тому, что она естественным образом могла при необходимости с Востока контролировать Европу (в меньшей степени Африку), – с Запада Азию и всю Океанию, с Юга – Центральную и Южную Америку. Это был просто дар богов, чем Америка воспользовалась в полной мере. И еще один важный момент: американская цивилизация была, наверно, единственной, которая четко знала свое происхождение – от европейской. Ей не было никакой нужды позиционировать себя как новую культуру по типу оппозиции: похожее – непохожее, свое – чужое и т. д., она всегда знала своих родителей, и как всякий подросток на определенном этапе испытывала иронию по отношению к ним, – она уже переросла их опыт и знала направление, по какому она пойдет.

Поэтому североамериканская цивилизация, являясь по своему онтогенезу европейской, в дальнейшем углубила и развила новый тип цивилизации, какой сложился с ее участием – *мегацивилизацию* Запада. Конечно американская ее часть не адекватна всему объему Запада как цивилизации, но составляет сейчас значительную ее часть. Понимание особой роли Америки в плане развития всего человечества объясняется целым рядом существенных онтологических моментов.

Америка рано почувствовала себя лидером Запада, а также всего человечества. Когда в свое время античные мыслители говорили о человечестве, то под ним они имели в виду прежде всего Элладу в противоположность варварам, какие располагались здесь же, недалеко от ойкумены эллинов. Вот и сейчас, Америка, говоря о человечестве, имеет в виду прежде всего себя и часть европейских народов (но не всех, к слову сказать). Этот мессианизм совершенно понятным образом свойственен всем развитым типам цивилизаций и является их неотъемлемой чертой. Без такого внутреннего ощущения своего доминирования и лидерства в глобальном плане не существует архетипа цивилизации в принципе.

Другим обстоятельством, какое необходимым образом повлияло на становление этой цивилизации, является более высокий градус индивидуализма, человеческой субъектности, которая сформировалась в ее культуре. Это непосредственно связано с отсутствием традиций в широком плане: создание США было удавшейся попыткой «старой» Европы создания Нового мира (Нового Света). Эта внутренняя революционность самой модели этой цивилизации влияла на практические формы и стереотипы поведения людей – они были свободны от пут и ограничений той же европейской культуры (со всеми негативными проявлениями, конечно же).

Замечательно точным по историческим последствиям было усвоение идей французского (и в целом европейского) Просвещения на практическое формирование политической системы страны. Оформленная в духе самых прогрессивных идей своего времени американская Конституция и другие правовые акты продолжают успешно работать и в сегодняшних обстоятельствах новой мировой реальности. Не скованная ни политическими, ни культурными, ни религиозными, ни мировоззренческими (в узком смысле) традициями и моделями американская цивилизация развязала себе руки, не тратя слишком много времени на борьбу с ветряными мельницами и отжившими стереотипами. Европа, к сожалению, продолжала за все это цепляться, что привело – с цивилизационной точки зрения – уже в XIX веке к кровавым войнам на европейском континенте, не говоря уже о веке XX.

По большому счету цивилизация США – это цивилизация Модерна, которая замешана как раз на прогрессистском устремлении *вперед*, независимо от конкретной исторической эпохи, какую переживают другие народы и культуры. Об этом говорит и небольшой временной разбег – учреждение государства, строго говоря, начинается с 1776 года, когда Европа уже приближается к Великой Французской революции. Той революции, которая перевернет весь Старый Свет и начнет новую хронологию западной цивилизации, которая не будет отказываться от предшествующего опыта и прошлой культуры, но произведет ментальную и социальную перекодировку своих прежних подходов к идеям развития общества (новые лозунги и принципы его изменения), к созданию проекта *нового человека*. Эти в прямом смысле революционные изменения покажут, как должны отмирать прежние принципы ограничивающих феодальных отношений и как приспособить к этой реальности предлагаемые параметры *морального* человека со стороны философии Просвещения.

Для этого нового человека готовится впереди еще вся эпоха наполеоновских войн, смена разных режимов путем революций в Европе, польское восстание, восстание декабристов, военное противостояние между Францией и Германией как пролог будущих мировых войн. Это и была плата за переход от умирающего феодализма к Новому времени, резко расширившему всю идеологическую базу перекодировки и реструктурирования общества и человеческих отношений в новую историческую – и цивилизационную – эпоху.

Казалось бы, Америка в определенной степени повторяла процессы, происходившие в Европе, но это не так. После выигранной борьбы за независимость она сталкивается с внутренними проблемами своего собственного развития, но не с ожидаемой возможной войной за территории, ресурсы и прочее, с чем сталкиваются европейские народы на своем континентальном пятачке с самого начала XIX века (не будем углубляться в историю). Поэтому-то у Америки не было внешних ограничителей своего развития, и она резко перешла из Нового времени в эпоху Модерна, которая для нее наступила гораздо раньше, чем в Европе. Такого рода «забегание вперед» будет свойственно американской цивилизации и в последующей эволюции. Оно, правда, все в большей степени будет порождать особое чувство американцев о своей избранности и предназначенности себя (своего образа жизни, стереотипов поведения, включая ведение бизнеса, своей культуры) для истории всего человечества. Единственным упущением в этой стройной картине становления и развития «американской мечты», осененной принципами свободы, равенства и братства, было не изжитое до самой середины XX века неравноправное положение цветного населения. Да и отсутствие культурной традиции в классическом виде (как определенного рода длительность для большего укоренения в ментальности народа) привело к химерическим образованиям в сфере «искусства для толпы», которую мы именуем массовой. С самого начала XX века вся лучшая поп-культура (от живописи до кинематографа) стала производиться в Америке, и она стала ее мировым центром и, соответственно, законодателем мод.

И еще одна оговорка, на наш взгляд, чрезвычайно важная с точки зрения эпистемологической системы, сложившейся в мыслительных структурах людей американского стиля и образа жизни. Она вовсе не идентична английской. В ней отсутствует важный элемент их национального хронотопа. Не пережив своего Средневековья, Америка не пережила ту онтологическую ситуацию, которая была характерна для прошедших через Средние века других европейских наций – у них нет «возвратного» чувства времени, нет особого отношения к состоявшемуся, уже бывшему (во всех смыслах и проявлениях) положению вещей. Не обладая, не владея по причине его *отсутствия, прошлым временем*, американцы напрочь лишены и чувства утопизма и представлений о том, что было *что-то* в прошлые века, что лучше *настоящего*. Отсутствие прошлого как экзистенциальной данности для всех философских и идеологических построений в американской культуре позволило ее носителям сосредоточить преимущественное внимание на *настоящем* и – главное – *будущем* времени.

Схожесть Америки и России может быть и в том, что они представляют собой тип цивилизации, которая легко впускает в себя инокультурные и иноцивилизационные элементы; полиэтничность представляет собой исключительно плодотворную тенденцию для ускоренного и многовекторного развития и человека, и, собственно, культуры, и общества в целом. Но только до тех пор, пока не прекращает действие единство целеполагания и пассионарность развития основного этноса. В случае усталости, нахождения его в фазе надлома, это производит мгновенное – с исторической точки зрения – негативное воздействие на сопутствующие этнические потоки, иные культуры и весь организм государства (цивилизацию). Исключительно сильное на пике своего развития, оно начинает внезапно деградировать, обнаруживая некое увеличение культурных и цивилизационных конфликтов внутри самого себя. Государство (цивилизация) превращается в *химеру*, и речь на таком этапе развития идет о путях выхода из кризиса, а на деле – о спасении целого.

В такие исторические минуты нет и разговора о цивилизационном доминировании или определении себя в виде лидера всего человечества. Прямо заметим, что такой сценарий был бы наихудшим для всего человечества в данный момент критически важного видоизменения содержания и форм существования мировой цивилизации в целом. Но, скорее всего, именно такой этап своей эволюции переживает американская цивилизация. Ее «пульсар» испускает все меньше живительной энергии, она перестает порождать рациональные и приемлемые для остальных этносов смыслы; она устала от своего лидерства, хотя и продолжает изо всех сил за него цепляться.

[202–207]

1.2. Метафизика любви и ненависти. Феномен вражды и онтологические противоречия между Западом и Россией

При определении существа данной темы, сразу возникает несколько вопросов. Действительно ли это *вражда*, а не недопонимание, непроясненность позиций, а также, кто является главным двигателем этого процесса, кто, собственно, основной субъект этой враждебности? Каково отношение России к Западу на самом деле, как она отвечает на враждебные чувства и интенции? Кто же является виновником таких отношений? К чему это приводило и привело, кто оставался в выигрыше? Не слишком ли резко такого рода определение звучит в современном глобальном мире построения *счастливого капиталистического будущего* в цифровой обработке, как для Запада, так и для России?

Короче, вопросов очень много, они носят и философский, и ментально-психологический, и исторический характер. Если обратиться к наследию О. Шпенглера, который рискнул поставить диагноз («Закат Европы») состоянию западной цивилизации в начале XX века сразу после завершения всечеловеческой катастрофы в виде первой мировой войны, то и у него мы обнаруживаем явно видимый «западоцентризм» в восприятии мировой цивилизации. И это притом, что объем привлеченного им материала из древнеегипетского, античного, индуистского, китайского, персидского периодов развития человечества чрезвычайно велик. Но вот, что он пишет: «Мы, люди западноевропейской культуры, с нашим историческим чувством являемся исключением, а не правилом. «Всемирная история» – это *наша* картина мира, а не картина «человечества». Для индуса и грека не существовало картины становящегося мира, и, когда однажды угаснет цивилизация Запада, возможно, никогда уже не появится такая культура и, значит, такой человеческий тип, для которого «всемирная история» была бы столь мощной формой бодрствования»⁵.

И вопрос заключается не в полемической реакции на ключевой момент его рассуждений, связанный с пониманием «становящегося», то есть исторического, мира, какой был зафиксирован в сознании западноевропейской культуры и представлял собой шаг в развитии всего человечества, но в том, что в данный тезис изначально вносится аспект априорного мировоззренческого и ценностного преимущества, каким обладает «западный человек» по сравнению со всеми другими людьми других культур и цивилизаций. За таким подходом скрывается немалый объем исторической практики, освоенной философом, но одновременно формулируется определяемая им на цивилизационном «берегу» позиция, на базе которой будет формироваться ментальность *этого* человека, существо его политических и экономических взглядов и т. д. в его глобальных построениях. Это то самое «прометейство» западного человека, какое не позволяет ему и думать о том, что рядом с ним, подле него, может появиться другое существо (другая культура/цивилизация), обладающее таким же онтологическим правом на историческую и цивилизационную субъектность именно что всемирного масштаба.

Эта исключительность стала частью культурного генотипа западного типа культуры и избавиться от нее какими-либо теоретическими убеждениями и примерами, доказывающими, что это *не так* и что рядом возникают и определяются явления, способные не на менее, а, может быть, и более адекватную реакцию на окружающую реальность, чем у *западного человека*, – невозможно. О реальной смене этого человека иным субъектом в будущей истории человечества сейчас трудно говорить точно, но скорее всего, это будет вариант из двух вероятностей – то ли китаец, то ли индус, но в перспективе ближайшего столетия не исключено, что

⁵ Шпенглер О. Закат Европы. Перевод с немецкого, комментарии, вступительная статья К. А. Свасьяна. М., 1993. С. 143–144.

на горизонте *замаячит* фигура представителя какой-либо африканской цивилизации, нигерийской, к примеру.

Приведем достаточно обширную цитату из автора «Заката Европы» для разъяснения этого ключевого, избыточного до сих пор, внутреннего (да и внешнего также!) противоречия между Западом как таковым и остальным миром. Шпенглер пишет: «Когда Платон говорит о человечестве, он имеет в виду эллинов в противоположность варварам. Это полностью соответствует а-историческому стилю античной жизни и мысли и приводит с учетом этой предпосылки к выводам, являющимся правильными и многозначительными *для греков*. Когда же философствует Кант, скажем, над этическими идеалами, он утверждает значимость своих положений для людей всех типов и времен. Но то, что он констатирует как необходимые формы мышления, есть лишь необходимые формы западного мышления. Уже один взгляд на Аристотеля и его существенно иные результаты должен был бы показать, что здесь налицо саморефлексия не менее ясного, но иначе устроенного ума. Русскому мышлению столь же чужды категории западного мышления, как последнему – категории китайского или греческого. Действительное и безостаточное понимание античных первоглаголов столь же для нас невозможно, как понимание русских и индийских, а для современного китайца или араба с их совершенно иначе устроенным интеллектом философия от Бэкона до Канта не больше, чем курьез»⁶.

Заметим здесь же, что сходные соображения на этот счет (разность в исходных мыслительных позициях западного и незападного человека) высказывались русским мыслителем Сергеем Аверинцевым. Но вот эта уверенность идеолога западной цивилизации, хотя и *отпевающего* ее, видящего признаки ее «заката» в том, что именно западным человеком увидена, понята и прочувствована «внутренняя форма» истории, что именно это позволило ему овладеть и «управлять» историей, и не только своего, западного, но всего мира, – остается неколебимой и непреклонной.

Складывается теоретическое (а во многом и практическое) представление и убеждение, что подобный, *прометейский*, характер развития западной цивилизации и ранее и на современном этапе и является *главным продуцирующим механизмом межцивилизационной вражды*. И хотя в нашем случае речь будет идти в основном о столкновении (ментально-культурном, естественно) западного и русского типов культур в широком смысле слова, переходящим в цивилизационное противостояние, но устаревшая модель патерналистского поведения Запада по отношению ко всему остальному миру не изжита до сих пор, хотя громадное количество факторов реальной экономической, политической и культурной жизни говорит нам о том, что он, Запад, с трудом удерживает свои прежние позиции. И не в том дело, что эти позиции являются неверными с точки зрения их исторического и культурного содержания, но Запад за последние 50 с небольшим лет умудрился, став реальным властелином мира после распада СССР, выхолостить все позитивные и движущие начала своей цивилизации.

Он отказался защищать и сохранять основные скрепы этой цивилизации – христианство, христианскую мораль, прежние формы культуры, традиционные отношения между людьми (семья, воспитание детей); вместо нормальной экономики он предложил модель спекулятивного развития экономических систем, при которых богатые становятся все более богатыми, хотя в этом богатстве гнездится момент явной неопределенности, так как сама система может одномоментно рухнуть, похоронив под своими обломками все *богатства*, состоящие в основном из ценных бумаг, акций (то есть разрисованной и особым образом украшенной бумаги), за которыми в большинстве случаев не стоит никакого реального производства и воплощенного в конкретные предметы труда человека. Богатство, как и нищета, стали виртуальными,

⁶ Указ. соч. С. 153. В примечании Шпенглер забавно добавляет: «Основная идея дарвинизма представляется истинному русскому столь же нелепой, как основная идея коперниканской системы – истинному арабу».

призрачными, и весь мир, какой подготовил себе Запад, превратился в мир торжества «копии копий» – *симулякров*, готовых исчезнуть с такой же быстротой, с какой они появились на свет.

Количество пустых пространств, какие гнездятся под ногами человека западной цивилизации **так велико**, а мир из-за этого стал так неустойчиво равновесен, что **в любой момент Запад может рухнуть**, погребя под собой и другие цивилизации. Игнорирование Западом иных форм человеческой цивилизации, обладающих как бы правом на всемирную интегративность – очевидна. Если предположить, что если внезапно появятся на Земле представители другой *внеземной* цивилизации, то с точки зрения Запада, предъявить ей как высшие и главные достижения землян можно и исключительно только то, что произведено и достигнуто западной культурой.

Разумеется – и это ответ возможным оппонентам – у многих величайших умов Запада мы обнаружим более широкое и более универсальное понимание и культуры и общечеловеческих целей и задач, но расхожей, практической ментальностью западного человека стала изначальная уверенность в своей правоте и торжестве своих идей перед всеми другими. Однако, всего лишь беглый взгляд на всемирную историю XX века, и перед нами возникает никем не отменяемая вина Запада в целом в развязывании самых страшных и кровопролитных войн в истории человечества; перед нами возникает порожденный именно в лоне западной идеологии (пусть и в ее тупиковом ответвлении) призрак массового (намного превышающих масштабы древнеегипетских и персидских казней захваченных врагов) умерщвления людей других национальностей и культур всего лишь по признаку их происхождения, и не противников с оружием в руках, а в основном беспомощных стариков, женщин и детей (Холокост как воплощение этой крайней линии западного индивидуализма и эгоизма).

В принципе Западу до сих пор нечем оплатить этот счет, выставленной ему историей. И никакие попытки *перенести платеж* на других участников этой исторической трагедии (Гитлера, Сталина) не могут отменить этой **онтологической драмы Запада перед лицом собственной нравственной и духовной катастрофы**. Психологический разрыв между декларируемыми идеалами и исторической практикой привел к эффекту фрейдовского переноса Западом своей вины на другие народы (Россию, в основном). И, что носит особо кощунственный характер, – приписывание именно себе победы над злом.

Невозможно отговориться в духе дешевого популизма и при помощи контролируемых СМИ, что, мол, это все совершил Гитлер *со товарищи*, что *эти выродки* и прочее человеческое *отребье* произвели ужасные преступления второй мировой войны. Но как быть с тем, что Европа практически не оказала никакого сопротивления Германии при оккупации Чехословакии, аншлюсе Австрии, как она не просто *отдалась* Гитлеру, а просто *легла* перед ним, в дальнейшем на собственных заводах производя то, что бросалось немцами в топку войны, прежде всего с Россией, и лишь в самом конце столкновения с войсками союзников? Но нас, собственно не интересуют конкретные политические и геополитические аспекты этой проблемы. Нас волнует *метафизическая эволюция* Запада, который смог – был, по сути, готов к этому – породить фашизм и его идеологию. Не забудем, что все это происходило, вероятно, на самой культурно усложненной площадке западной культуры (немецкой), которая без устали генерировала на протяжении ряда столетий философские, культурные, научные ценности высшего порядка, выступая в известной степени как квинтэссенция европейской культуры. Эту культуру никто и никак не отменял, но цивилизация, созданная на ее базе, обернулась миру своей страшной стороной. Те самые *экзистенциалы* прометейства и фаустианства, которые Запад развивал в себе на протяжении целого тысячелетия, выродились в национальный эгоизм отдельных народов и попустительство самым безумным и страшным инстинктам человеческой природы.

Выражаясь терминами автора «Заката Европы», – именно в XX столетии Запад потерял свою витальную силу, и его *экзистенциалы* начали стремиться к нулю, несмотря на внешнюю

сторону торжества технологического превосходства западного мира над всеми остальными народами и цивилизациями. Дело дошло до того, что он, Запад, испробовал самое страшное – атомное – оружие, опять-таки над мирным населением Японии. Та историософская и онтологическая дилемма, какая возникает перед теоретическим сознанием независимого исследователя, не имеет, по сути, решения: никакие практические соображения уже выигранной войны на Востоке (как в случае, кстати, и с безумными бомбардировками Дрездена и других городов Германии) не учитывались во имя демонстрации Западом (Америкой) своей нового – метафизической разрушительной силы – ядерного оружия перед всем миром.

Это все равно, как в Древнем мире, уже захватив страну и покорив народ, царь желает испробовать новое оружие – боевую колесницу с мечами или боевых слонов – на мирных жителях. Но для того времени у нас есть ответ – *варвары*. Здесь же перед нами примеры поведения цивилизации, находящейся на пике своего могущества. Но, по существу, эти действия также *варварские*.

Запад, без сомнения, пережил свою внутреннюю драму после событий второй мировой войны. Может быть, наиболее ярко и сильно она выразилась в явлениях экзистенциальной философии, которая естественным образом была направлена к такому решению внутри самого человека возникающих в реальности противоречий, чтобы никоим образом не зависеть от внешних обстоятельств социума, культуры, истории – цивилизации в целом. Слишком оказались непрочными и слабыми внутренние моральные скрепы западного человека, чтобы противостоять той эманации зла (но не только эманации, но и практическому его воплощению), порожденного внутри дорогой им культуры. Перечеркнутость основных символов и экзистенциалов этой культуры в ее этическом разрезе оставляла всего лишь одну достоверную площадку для совершения *исхода* (в прямом библейском смысле этого слова – *exodus*) из бытия – в собственное сознание и *геитальт* собственной души, какие точно уж не обманут, и их нельзя будет склонить к каким-либо действиям или помыслам, за которые придется краснеть и на другом свете. Именно в явлениях философии и литературы Запад совершил попытку саморефлексии в связи с исторической драмой, совершившейся внутри его культуры, но не через обновление исторического и политического самосознания.

С позиций отвлеченного мышления, Запад, подвергая оценке основной как бы *геитальт* второй мировой войны, довольствовался констатацией того, что Гитлер и его идеология являли собой некое абсолютное зло, а его пришествие на арену мировой истории можно рассматривать как явление Антихриста и начало конца света, и степень ответственности за произошедшее тех или иных сторон западной цивилизации можно проигнорировать, не совершая анализа. Мало того, что такой взгляд говорил о беспомощности культурно-исторического дискурса западной мысли, но снимал вопрос об исследовании всевозможных конкретных аспектов генезиса феномена Гитлера в лоне западной цивилизации. Конечно, как мы отмечали выше, – это и есть цивилизационное «подавление» комплексов вины именно за органическое обретение гитлеризма в общем компендиуме западных идей крайнего индивидуализма и эгоизма, переключенных в разряд отдельных наций, имеющих привилегии «высших существ» и абсолютных судей в общечеловеческом смысле.

Гитлеровская Германия ни много ни мало, но идеологически была ориентирована на то, чтобы возглавить общечеловеческую историю в западном смысле слова. Парадигма суждений, конкретный дискурс *говорения* фашистов потому и был так широко распространен среди немецкого (но не только) народа, что своим духом мессианства, свершения исторических преобразований во имя неких сверхчеловеческих целей, он во многом соответствовал сложившейся западной рациональной онтологии понимания основных сущностей человека и жизни вообще, определившихся задолго до гитлеровской идеологии. Заметим, что и фашистская Италия, этот *цветник* европейской и мировой культуры, была во многом заражена подобными идеями. Фашистские черты были присущи многим более мелким государствам Европы –

вспомним настроения и государственные перевороты в ряде государств Восточной и Северной Европы, управление Польшей Пилсудским. Европа была *беременна* фашизмом по той самой причине, по которой развившаяся на основаниях капиталистического способа производства субъективность человеческого «Я», искала другие выходы для своей реализации; прежние культурные и цивилизационные рамки были ей тесны.

Та потерянная эпоха, порожденная еще первой мировой войной, никуда не пропала, а была опрокинута на еще более страшную реальность второй мировой войны. Часть этого потерянного поколения безусловно погибла на фронтах, но другая, «выжившая колонна», перенесшая унижение своей культуры поруганием самого человеческого рода и невиданными до этого открывшимися безднами души человека, исполненной жестокости и порочности, тяги к убийству, должна была жить дальше. Этот «двойной» удар, нанесенный по *экзистенциалам* западной культуры для истинных ее носителей оказался неподъемной тяжестью. Натуральным образом и здесь было обнаружено психо-культурное замещение в виде борьбы с советским коммунизмом и его идеологией, несмотря на то, что вождям западного мира было очевидно, что СССР обречена была долгие годы влачить тяжелое существование, закрывая демографические, экономические и другие проблемы послевоенной жизни и явно не была способна на какой-либо военный конфликт с Западом⁷.

* * *

Очевидно, что, говоря о столь острой и неоднозначной теме, как «*вражда*» между Западом и Россией, можно *нарваться* на всякого рода реакцию, причем с обеих сторон: как российской, так и западной. Есть определенного рода стыдливое отгаливание от себя данной проблемы, как не находящейся в пределах научного дискурса, как, в известной степени, маргинальной, какой, якобы, занимаются историки и политологи, не авторитетные и миру неизвестные. Можно получить упреки (это *мягко* говоря, обычно эта тема вызывает к жизни куда более резкие определения, не всегда допустимые в печатных изданиях) в *западофобии*, ангажированной *руссофилии* в скрытой форме, в реакционности, консерватизме, отлученности от современных трендов интеллектуальных поисков в духе постмодернизма. Ну и так далее. Нам, скажем откровенно, все равно, что будет сказано в таком, *поверхностном* ключе, как обычно и говорится друг о друге Западом и Россией последние несколько сотен лет, и особенно остро в двадцатом веке, который посеял свои семена и в текущем столетии.

Но никто и никак не может отменить те очевидные факты, получаемые ежедневно в громадном количестве на обеих сторонах этого противостояния, в виде упреков, прямых обвинений, скандальных заявлений в подготовке войны, культурной диверсии, попытке влияния на внутренние процессы (и там и там) – от выборов до умонастроений простых людей через социальные сети и другими способами, высказывание подозрений в проводимых кибератаках «противником» (соперником, идеологическим оппонентом), в заборе биологического материала у населения разных стран для неизвестных пока, но страшных целей, будущей биологической войны и т. д и т. п. Есть и прямые заявления со стороны «новых европейцев» Центральной и Восточной Европы, что русские *недостойны* быть частью цивилизованного мира, хорошо бы

⁷ Нам могут напомнить про Венгрию 1956 года, про Берлинский кризис 1960, после которого и возникла знаменитая стена, про Чехословакию 1968 года, про создание Варшавского договора в 1955 году, объединившего страны Восточной Европы под эгидой СССР. Однако стоит вспомнить, что знаменитый автор Фултоновской речи, объявивший о «холодной войне» Западу и России в 1946 году, Уильям Черчилль, годом раньше в Ялте и Потсдаме совершенно спокойно обменивался со Сталиным крайне конфиденциальными бумагами, на которых были нарисованы рукой герцога Мальборо проценты влияния СССР и стран Западу на территории стран Западной, Центральной и Восточной Европы. Вся Восточная Европа на этих бумагах была помечена цифрами под 100 % в пользу СССР. Фактически Запад сам отказался от части Европы. Это открытые источники, давным-давно опубликованные в книгах.

Россию раздробить, забыть о русской культуре, и вообще, русские – это не совсем нормальные (цивилизованные) люди и хорошо, если бы их не стало.

Понятно, что последние заявления делают недалекие, но заметные фигуры на новом европейском фронте, и шум и громкость от их голосов все усиливается. И не принимать во внимание этого никак нельзя.

Соответственно, в России уже привычным делом стало обвинять Запад в целом в попытке, если не стереть Россию с лица земли, то изменить ее по своим лекалам и образцам. Еще раз повторим, что мы не намерены приводить конкретные примеры из текущей действительности, так как их количество просто-напросто избыточно, и каждый читатель (исследователь) легко может с ними ознакомиться в интернете и других источниках информации.

Нас волнует отсутствие взаимодействия между Западом и Россией; не просто нарушенная «комплиментарность» (термин Л. Гумилева) между ними, какая должна как бы существовать на новом уровне развития современной *общечеловеческой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.